

В. А. Номоконов*

ПРОБЛЕМЫ ПРИЧИННОСТИ, НАРКОТИЗМА И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Становление и первые шаги дальневосточной криминологической школы были связаны прежде всего с деятельностью выдающегося советского и российского ученого проф. П. С. Дагеля¹.

П. С. Дагель начал свою научную и учебную деятельность в Дальневосточном государственном университете в 1961 г., где за краткий срок прошел путь от ассистента до профессора, доктора юридических наук, заведующего кафедрой уголовного права. В 1962 г. он подготовил и успешно защитил в ЛГУ под руководством профессора М. Д. Шаргородского кандидатскую диссертацию «Роль уголовной репрессии в борьбе с преступностью».

С полным основанием его можно считать одним из организаторов юридического образования и науки на Дальнем Востоке России: под его руководством созданы кафедры уголовного права и школа дальневосточных криминологов.

Труды П. С. Дагеля отличались фундаментальностью и концептуальностью, новизной решений важных вопросов уголовного права и криминологии, глубоким и тонким анализом юридических институтов, вниманием к вопросам политики. В них четко прослеживались идеи укрепления законности, гуманизма, демократии. Проф. П. С. Дагель исходил из необходимости развивать уголовно-правовую науку, опираясь на социологические исследования, проявлял живой интерес к проблемам криминологии и уголовной политики.

П. С. Дагель наряду с другими отечественными криминологами, твердо стоял на позициях материалистического объяснения причин преступности в СССР, связывая последние с определенными объективными противоречиями развития общества. Он один из первых в стране разработал оригинальную концепцию причин неосторожных преступлений, основы теории и практики их предупреждения².

Широкую известность в отечественной криминологии имеют такие его работы как «Учение о личности преступника в советском уголовном праве» (1970), «Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы» (1982), вышедшая в последние дни жизни книга об уголовной политике (1982) и многие другие.

Большой вклад внес П. С. Дагель и в подготовку научных кадров. Многие его ученики стали кандидатами (доценты А. Г. Корчагин, Н. Н. Гагаров, Е. М. Щербина) и докторами наук (профессора А. И. Коробеев, В. А. Номоконов, Р. И. Михеев, Л. И. Романова, В. В. Яровенко).

© Номоконов В. А., 2007

* заместитель директора, профессор кафедры уголовного права Юридического института Дальневосточного государственного университета (Владивосток, Российская Федерация), директор Владивостокского центра по изучению организованной преступности, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН

¹ Дагель Плексан Сергеевич (1929-1983 гг.) — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР.

² См.: Дагель П. С. Причины преступности в СССР и причины индивидуального преступного поведения // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве. — Владивосток, 1983; Дагель П. С. Причины неосторожных преступлений в СССР // Советское государство и право. — 1973. — № 3.

Сегодня с полным основанием можно утверждать, что Дальневосточная криминологическая школа не только состоялась, но и получила признание в кругах широкой научной общественности. Многие работы представителей школы стали своего рода классикой жанра. Официальным признанием высокого научного уровня и результативности исследований дальневосточников стало присвоение в разное время почетных званий «Заслуженный деятель науки» профессорам П. С. Дагелю, Р. И. Михееву и А. И. Коробееву, звания «Заслуженный юрист» проф. Ю. А. Афиногенову, звания «Заслуженный деятель высшей школы» Л. И. Романовой.

Существенный вклад в развитие криминологии внес проф. **Р. И. Михеев**³. Круг научных интересов Р. И. Михеева был крайне широк, разнообразен и часто не ограничивался рамками уголовного права и криминологии.

Р. И. Михеев являлся ведущим преподавателем и ученым Юридического института ДВГУ. Его имя и труды широко известны ученым и практикам, студентам, аспирантам и преподавателям далеко за пределами Владивостока и Приморского края⁴.

Он автор более 400 научных и учебно-методических работ по смежным проблемам права и философии, истории и социологии, экономики и политики, естествознания и техники, психологии и психофизиологии, биологии и генетики, медицины, геронтологии и гериатрии, педагогики и образования, культуры и религии, экологии и безопасности жизнедеятельности и др.

Широкую известность и признание в стране получили труды проф. **А. И. Коробеева**⁵. С 1977 г. работает на кафедре уголовного права Дальневосточного государственного университета, с 1994 г. — в должности заведующего. В 2001 г. избран заместителем академического директора Межрегионального института общественных наук Дальневосточного государственного университета. Был участником XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (15-25 апреля 2005 г., Бангкок, Таиланд).

Основными направлениями его научных исследований являются: разработка теоретических основ российской уголовной политики, проблемы борьбы с неосторожной преступностью, транспортными преступлениями, техногенными авариями и катастрофами, сравнительно-правовое исследование уголовного законодательства стран АТР⁶.

Крупным специалистом по проблемам правовой и криминологической борьбы с наркотизмом является проф. **Л. И. Романова**⁷. Она защитила кандидатскую диссертацию в 1975 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова на тему «Преступность несовершеннолетних в условиях портового города (на материалах г. Владивостока)».

В 2001 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Криминальный наркотизм в Российской Федерации и особенности его проявления в Дальневосточном регионе (криминологические и уголовно-правовые аспекты)».

³ **Михеев Рудольф (Родион) Иванович** (1937-2001 гг.) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

⁴ См., напр.: *Михеев Р. И.* Невменяемый. Социально-правовой очерк. — Владивосток, 1992.

⁵ **Коробеев Александр Иванович** — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

⁶ См.: *Коробеев А. И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. — Владивосток, 1987.

⁷ **Романова Лариса Ивановна** — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель высшей школы РФ.

Область ее научных исследований: криминальный наркотизм, причины деструктивных форм зависимостей, личность преступника, региональные особенности преступных проявлений, юридическая антропология.

Проводимые Л. И. Романовой криминологические исследования на протяжении более двадцати лет по разным направлениям позволили не только проанализировать основные характеристики наркомании и наркотизма, но и проследить эволюцию данных явлений, обнаружить появление новых тенденций, закономерностей и отличительных особенностей на территории самого большого в России, но недостаточно изученного Дальневосточного федерального округа⁸.

С 2003 г. Л. И. Романова возглавила работу Научно-методического центра ДВГУ по профилактике наркомании, который занимается подготовкой и переподготовкой специалистов для Приморского края.

Яркий след в отечественной науке оставил проф. **С. Я. Улицкий**⁹. Его пригласили работать в Дальневосточный государственный университет в конце 1966 г. Здесь он прошел путь от старшего преподавателя до профессора кафедры уголовного права.

Круг научных интересов С. Я. Улицкого был весьма широк. Он писал работы по уголовно-правовой тематике, по проблемам криминологии, уголовного процесса, конституционного, административного и других отраслей права, а также по вопросам политики и общей теории государства и права.

В последние годы особое внимание читателей привлекли его мемуары «Уроки жизни» (1999 г.), «Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений» (2002 г.), «Размышления о действии уголовного закона» (2003 г.) и «Политические и правовые проблемы смертной казни» (2004 г.).

Весомый вклад в развитие дальневосточной научной школы внес доцент **В. И. Шульга**¹⁰. Область его научных интересов: региональная преступность; преступность Дальнего Востока; организованная преступность и коррупция; транснациональная преступность¹¹.

В работах В. И. Шульги, в частности, обосновано положение о том, что региональная преступность должна представлять собой самостоятельную сферу криминологических исследований, а региональные криминологические исследования — самостоятельную область криминологии; что регионально-территориальное образование как совокупность природно-ресурсных, экономических, социальных, демографических и иных компонентов предопределяют состояние и развитие региональной преступности; одновременно, состояние региона в целом и региональной преступности, в частности, определяются состоянием общего конгломерата и ее преступности, в которую входит тот или иной регион и ее преступность. Так, к примеру, в России административно-территориальные образования с разными социально-экономическими и социально-демографическими стартовыми возможностями предопределили разный уровень состояния и развития региональной преступности в них.

⁸ Основные работы: «Наркотики и преступность» (Владивосток, 1998), «Наркотики: преступления, ответственность» (Владивосток, 2000), «Квалификация преступлений, предметом которых являются наркотические средства и психотропные вещества» (Владивосток, 2001), «Наркопреступность в Дальневосточном регионе» (Владивосток, 2002), «Наркомания и наркотизм» (СПб., 2003).

⁹ **Улицкий Семен Яковлевич** (1928–2006 гг.) — кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права.

¹⁰ **Шульга Владимир Иванович** — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры уголовного права и процесса ВГУЭС.

¹¹ Основные публикации: *Шульга В. И.* Организованная преступность и борьба с ней: Учебное пособие. — Владивосток, 1995; *Шульга В. И.* Основные тенденции преступности и ее предупреждение в Дальневосточном регионе: Пособие — М., 1996; *Шульга В. И.* Социо-криминологическая и правовая оценка деятельности организованных группировок криминальной направленности: Монография. — Владивосток, 2004.

Неблагоприятные условия развития дальневосточного региона предопределили региональные особенности преступности, которые выразились в ее негативных количественно-качественных показателях по сравнению с показателями преступности в административно-территориальных образованиях центральной России. Более того, по законам развития как системного образования преступность Дальнего Востока негативным образом влияет на социально-экономическое и демографическое развитие дальневосточного региона в целом и его частей.

В. И. Шульга основательно изучил и проблему организованной преступности. По его мнению, последняя представляет собой не столько совокупность организованных преступлений и/или преступлений, совершаемых организованными образованиями, сколько системное образование, состоящее из образующих ее как единое целое организационно построенных преступных формирований, их организованной преступной деятельности и организованного преступного управления формированиями и деятельностью. Коррупция в организованной преступности становится ее системообразующим свойством.

Опасной самостоятельной формой транснациональной преступности является организованная транснациональная преступность, которую можно рассматривать как массовое отклонение от социальных норм в результате человеческой деятельности определенных асоциальных организованных групп, направленное на систематическое нелегальное извлечение сверхприбылей в результате противоправной деятельности либо противоправными методами, либо в противоправной форме по удовлетворению в международных масштабах потребностей в разрешенных и/или запрещенных товарах и услугах, и/или с помощью конфиденциальной информации о них с обязательным пересечением государственных границ не менее чем двух государств.

Значительный вклад в разработку криминологического учения о причинности внес проф. В. А. Номоконов¹². В 1991 г. в Московском юридическом институте (ныне — МГЮА) он защитил докторскую диссертацию «Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность».

Область его научных исследований: проблемы причинности и ответственности; проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией¹³.

Концепция причинности в криминологии в работах В. А. Номоконова основывается на фундаментальной идее о деформации общественных отношений как глубинном источнике антиобщественного и преступного поведения. Данная идея в свое время, похоже, «носила в воздухе»: о глубоких деформациях в общественной жизни неоднократно говорил руководитель СССР М. С. Горбачев. Чуть позже эта же идея легла в основу глубокого исследования академика В. Н. Кудрявцева¹⁴.

¹² Номоконов Виталий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации, председатель Приморского отделения Российской криминологической ассоциации, член-корреспондент РАЕН.

¹³ Основные работы: Номоконов В. А. Преступное поведение: детерминизм и ответственность. — Владивосток, 1989; Номоконов В. А. Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. — Владивосток, 1998; Номоконов В. А. Организованная преступность — М., 1998; Номоконов В. А. Организованная преступность: тенденции и перспективы борьбы. — Владивосток, 1999; Номоконов В. А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. — Владивосток, 2001; Номоконов В. А. Россия в фокусе криминальной глобализации. — Владивосток, 2003; Номоконов В. А. Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней. — Владивосток, 2004; Номоконов В. А. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью. — СПб.: 2005; Номоконов В. А. Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. — Владивосток, 2005.

¹⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Социальные деформации. — М., 1992. — 135 с.

Общим объективным источником антиобщественного и преступного поведения являются, по нашему мнению, деформации общественных отношений, а общим его субъективным источником — отчуждение личности, ее ценностно-нормативной системы от ценностей государства.

В работах В. А. Номоконова обоснован вывод о том, что источником преступности могут служить не любые социальные противоречия, а лишь их разновидность — социальные деформации, т. е. такие противоречия, которые становятся тормозом общественного развития, социального прогресса. Но это не только «противоречия-тормоз», но и соответствующие искажения, деформации общественных отношений.

Другими словами, с точки зрения данного подхода, причины преступности отдельных преступлений заключаются в глобальной или частичной ущербности социума, а отдельных преступлений — в социальной, психической, моральной или духовной ущербности индивида и (или) его микросреды. Противоположным по своему социальному вектору явлением выступает «социальная гармония», обладающая антикриминогенным потенциалом.

На основе выявления критериев гармоничности общества сформулировано предложение дифференцировать криминогенные социальные деформации по следующим трем основным группам: «Ограничения свободы», «Социальная несправедливость» и «Дегуманизация» /Отчуждение/.

Показаны содержание и структура причинного комплекса преступности. Автор исходит из нетрадиционного понимания последнего как комплекса глубоких деформаций общественных отношений, тормозящих экономический, социальный и духовный прогресс общества, ограничивающих свободу субъектов общественной жизни, вызывающих социальную несправедливость и отчуждение граждан от ценностно-нормативной системы государства, их деморализацию и провоцирующих нарушений уголовного закона.

Нами сформулировано определение причинного комплекса индивидуального преступного поведения как комплекса деформаций микросреды и личности, который выражает индивидуальное отчуждение, конфликт личных интересов с государством и создает сравнительно высокую вероятность совершения данным лицом преступления.

В результате проведенных исследований сконструирована теоретическая модель механизма социальной детерминации преступного поведения, показаны его основные элементы и их взаимосвязь; для введения в научный оборот предложены новые понятия причинных комплексов преступности и причин индивидуального преступного поведения.

С 1997 г. по настоящее время проф. В. А. Номоконов возглавляет **Центр по изучению организованной преступности** при Юридическом институте ДВГУ, созданный и действующий на грант Министерства юстиции США и Американского (г. Вашингтон) университета. В настоящее время названный Центр входит в структуру Юридического института и продолжает работу по названному пролонгируемому гранту.

Центром выполнены различные научные исследования в области проблем организованной и экономической преступности, коррупции, торговли людьми, наркобизнеса, киберпреступности, в которых участвовали д. ю. н., проф. Л. И. Романова, д. ю. н., проф. Н. И. Щедрин, к. ю. н., проф. А. Г. Корчагин, к. ю. н., доцент А. М. Иванов, к. ю. н., доцент Г. Ф. Маслов, к. ф. н., проф. Л. Д. Ерохина, к. ю. н., доц. В. И. Шульга, к. ю. н. М. Ю. Буряк, к. ю. н. Т. В. Тропина и др.

Ежегодно сотрудниками Центра публикуются учебные пособия, монографии и другие работы, отражающие результаты исследований (всего более 200). Вот

только один факт: юридический институт ДВГУ за последние пять лет опубликовал 36 книг. Из них половина — это книги Центра¹⁵.

Результаты исследований сотрудников Центра размещаются на собственном сайте (www.crime.vl.ru), на который в настоящее время ежедневно заходят в среднем 2200 пользователей. Чрезвычайную популярность приобрел форум названного сайта: на нем активно обсуждаются темы организованной преступности и коррупции.

В последние годы названным Центром продолжена разработка нового научного направления — исследование транснациональной организованной преступности (ТОП). Изучены взаимосвязь глобализации и преступности, теневой экономики и глобализации, факторы криминальной глобализации, а также влияние глобализации информационных процессов на преступность. Рассмотрено соотношение российской и транснациональной организованной преступности, конкретно исследована роль преступных группировок Дальнего Востока России в криминальном вывозе природных ресурсов за рубеж наркотрафик и т. п. Проанализированы взаимосвязь глобализации, миграции и торговли людьми, а также особенности этих процессов на Дальнем Востоке РФ.

С 2004 года Центром реализуется программа по проведению совместно с Американским университетом ежегодных Летних Школ уголовного права и криминологии для молодых преподавателей и аспирантов, в которых участвуют ведущие отечественные и зарубежные ученые и практики.

Следует отметить, что представители дальневосточной криминологической школы стараются активно взаимодействовать с другими криминологическими школами как в России, так и за рубежом. В особенности это касается Российской криминологической ассоциации (РКА), в создании (1991 г.) и деятельности которой принял активное участие ее вице-президент проф. В. А. Номоконов (наряду с лидером Петербургского криминологического клуба проф. Д. А. Шестаковым). Членами РКА проведено значительное количество научных семинаров и конференций, издано большое число научных сборников на актуальные темы современной криминологии.

В последние годы активно развиваются научные связи с китайскими коллегами, в том числе криминологической школой проф. Хе Бинсуна (КНР). Российские ученые приняли деятельное участие в международных научных конференциях в Шаньдунском университете (г. Цзинань, КНР) в 2004-2006 гг.

¹⁵ Так, за истекшие 9 лет можно выделить следующие основные публикации: Организованная преступность Дальнего Востока: общие и региональные черты. — Владивосток, 1998; Корчагин А. Г. Экономическая преступность. — Владивосток, 1998; Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. — Владивосток, 1999; Иванов А. М., Корчагин А. Г. Преступление и наказание в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. — Владивосток, 1999; Иванов А. М. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. — Владивосток, 2000; Романова Л. И. Наркотики, преступления, ответственность. — Владивосток, 2000; Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. — Владивосток, 2001; Иванов А. М., Корчагин А. Г. Сравнительное уголовное право. — Владивосток, 2001; Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. — Владивосток, 2001; Сухаренко А. Н. «Российская» организованная преступность в США. — М., 2002; Россия в фокусе криминальной глобализации. — Владивосток, 2002; Ерохина Л. Д., Буряк М. Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. — М., 2003; Дальний Восток: хроника организованной преступности (обзор прессы 1997-2003 г.г.). — Владивосток, 2004; Шульга В. И., Сальникова С. В. Социально-криминологическая и правовая оценка деятельности организованных групп криминальной направленности: Монография. — Владивосток, 2004; Коррупция в мире и международная стратегия борьбы с ней. — Владивосток, 2004; Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. — Владивосток, 2005; Власть и коррупция. — Владивосток, 2006; Дальний Восток: хроника организованной преступности-2. — Владивосток, 2006; Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней. — Владивосток, 2006.

Существующие в современной отечественной криминологии различные концепции могут быть определенным образом сгруппированы по тем или иным направлениям — школам. Так, применительно к России проф. Д. А. Шестаков выделяет три основных школы, с чем в принципе можно согласиться. Первые две им именуется условно как «диалектическая» и «психологическая».

(1) *Диалектическая* («философская» — В. Н.) представлена такими криминологами как академик В. Н. Кудрявцев, профессора А. И. Долгова, П. С. Дагель, В. А. Номоконов и др. В рамках названной школы последовательно развивается идея социальных противоречий как источника преступности, достаточно глубоко исследуется механизм социальной детерминации преступного поведения. Творческий ресурс этой школы далеко не исчерпан. Так, например, нуждается в дальнейшем развитии конструктивная идея причинного комплекса преступности (и индивидуального преступного поведения).

(2) *Психологическая* школа (профессора Ю. М. Антонян, Е. Г. Самовичев и др.) углубленное внимание обращает на психологические источники преступного поведения (неудовлетворенность, депрессивные настроения, повышенный уровень тревожности, агрессивности и т. п.¹⁶). Отдавая должное глубине психологического проникновения в социальную жизнь в целях объяснения причин преступности, следует обратить внимание на эклектичность данной концепции, когда в один ряд, например, ставятся первичные и производные детерминанты, например, расслоение общества и тревожность населения. Уязвимым в названной концепции является также объявление преступлений такими же «естественными» состояниями человека, как рождение и смерть, утверждение, что «человек не может жить без преступления» и т. п.¹⁷.

(3) *Третья школа* одним из ее сторонников — разработчиков (профессора Д. А. Шестаков, Г. Н. Горшенков, П. А. Кабанов, Я. И. Гилинский и др.) названа «Школой доктрины преступных подсистем». Представляется, что с не меньшим основанием она может быть названа «социологической», поскольку едва ли не все ее представители относят практически целиком криминологию к социологии преступности, т.е. в конечном счете именно к социологической, а не юридической науке.

В теоретической основе последней школы лежит концепция «преступность — свойство социальных подсистем», на основе которой возникли такие известные в России отрасли криминологии как «семейная криминология», «политическая криминология», «экономическая криминология», «криминология закона» и т.п. Школу отличает ряд теоретических положений и в отношении реакции государства на преступность.

Большинство же отечественных криминологов, хотя и считает криминологию самостоятельной наукой, тем не менее, всячески подчеркивает ее синтетический характер, неразрывную связь, даже симбиоз в ней социологической и уголовно-правовой науки. В принципе, почти все согласны с тем, что рассматривать криминологию всего лишь как социологию преступности — значит серьезно обеднять ее содержание и, главное, отрывать ее от нормативных понятий, закрепленных в уголовном законе.

Границы криминологии в значительной мере определяются границами уголовного закона, точнее, пределами криминализации (и пенализации), а также квалификации общественно опасных деяний. Правда, справедливым следует

¹⁶ См., напр.: Антонян Ю. М. Концепция причин преступности и причины преступности в России // Российский следователь. — 2004. — № 8.

¹⁷ Там же. — С. 27.

считать и обратное утверждение: криминологические исследования должны, помимо прочего, также лежать в основе определения границ криминализации деяний постольку, поскольку уголовное право и криминология имеют в целом общий объект исследования: закономерности преступности и борьбы с ней. Но все же уголовное право (за исключением уголовной политики) не выходит на уровень преступности. В границах криминологии находится и исследование явлений, закономерно (причинно) связанных с преступностью, ее отдельными видами и конкретными преступлениями.

Однако едва ли можно согласиться с претензиями ряда криминологов на корректировку «неправильного» уголовного закона. Так, подчас утверждается, что поскольку законы государства «далеко не всегда справедливы», постольку «под преступлением можно понимать ... деяние, представляющее для общества значительную опасность, безотносительно (выделено мной — В. Н.) к признанию его в качестве такового законом»¹⁸. Едва ли можно согласиться с таким противопоставлением одноименных понятий в криминологии и уголовном праве.

Если криминологические исследования свидетельствуют о пробеле в криминализации общественно опасных деяний определенного вида, то это может служить основанием лишь для соответствующих законодательных инициатив. В противном случае мы, боюсь, безнадежно запутаемся в разграничении одноименных понятий в уголовном праве и криминологии.

Представляется, что альтернативное определение преступности, предлагаемое «социологами» — «свойство общества (закономерность) воспроизводить массу преступлений» — на самом деле несколько подменяет предмет изучения. Свойство общества порождать преступность есть *криминогенность* этого общества, т. е. преступность самого социума (преступное общество). На мой взгляд, следует все же разграничивать преступность как социальное явление, складывающееся из всей массы совершенных реально преступлений и криминогенность как одно из свойств социума, продуцирующее будущую преступность. Последнее свойство общества, конечно, нуждается в специальном исследовании, но оно не может быть отождествлено с преступностью как реальным социальным явлением, как причины нельзя отождествлять со следствием. Точно так же на индивидуальном уровне мы ведь различаем криминогенность личности как ее склонность к преступлению и уже совершенное преступление.

Представляется, что современные российские криминологические школы лишь с определенной долей условности можно также дифференцировать по географическим признакам или персоналиям. Более обоснованным было бы говорить о единой отечественной криминологической школе, несмотря на всю существующую пеструю палитру часто даже взаимоисключающих криминологических положений или концепций. Все это — лишь свидетельство продолжающегося становления Российской научной школы, а также естественного плюрализма позиций в научной среде.

¹⁸ Криминология. — XX век. — СПб., 2000. — С. 8; Шестаков Д. А. Криминология: Краткий курс. — СПб., 2001. — С. 80.